МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Научная библиотека им. Р. А. Пановой

ГЛОТОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

МАТЕРИАЛЫ
к биобиблиографии ученых МарГУ

Выпуск 79

Йошкар-Ола, 2017

УДК 57(01)
ББК Е0я222
Г 548

Составители:
Ю. Г. Суетина, кандидат биологических наук, доцент, Марийский государственный университет;

Т. В. Архипова, зав. научно-библиографическим отделом научной библиотеки им. Р. А. Пановой, Марийский государственный университет

Научный редактор, ответственный за выпуск:
И. О. Безденежных, директор научной библиотеки им. Р. А. Пановой, Марийский государственный университет

Утверждено ученым советом
Марийского государственного университета

Г 548 **Глотов Николай Васильевич**: биобиблиографический указатель / науч. б-ка им. Р. А. Пановой МарГУ; сост.: Ю. Г. Суетина, Т. В. Архипова; науч. ред. и отв. за вып. И. О. Безденежных. – Йошкар-Ола, 2017. – 123 с. – (Материалы к биобиблиографии ученых МарГУ. Вып 79).

ISBN 978-5-94808-000-0

Выпуск посвящен видному ученому в области генетики, популяционной биологии и биометрии, доктору биологических наук, профессору Н. В. Глотову (1939–2016).

Издание включает основные даты жизни и деятельности Н. В. Глотова, основные научные достижения, его воспоминания, воспоминания коллег, друзей и учеников; диссертации, выполненные под его руководством; руководство грантами, информацию о популяционных семинарах, литературу о нем, хронологический указатель трудов, именной указатель.

Указатель носит научно-вспомогательный характер и предназначен научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей науки.

УДК 57(01)
ББК Е0я222

ISBN 978-5-94808-000-0

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017
© Суетина Ю. Г., Архипова Т. В., составление, 2017

Воспоминания Николая Васильевича Глотова

(публикуются с сохранением
авторской пунктуации и орфографии)

Музыка

Музыке меня начали учить не то во втором, не то в третьем классе. Первой моей учительницей была Линская, завуч музыкальной школы возле краеведческого музея – красный кирпичный дом на горе, теперь там какая-то контора. Помню комнату Линской (она жила при школе), заставленную какой-то мебелью, рядом с пианино – полная пепельница, она непрерывно курила. С первых уроков учительнице удалось наполнить меня беспросветной, тягостной тоской. Тата[1] потом говорила, что Линская считала меня абсолютным бездарем, к тому же ленивым. Она якобы даже била меня по рукам, я плакал, но этого решительно не помню. Однажды в годовщину смерти Ленина шел вверх по улице Тургенева с нотной папкой и размышлял в глубокой тоске: «Вот ведь, день траура (тогда это был нерабочий день), а я буду играть. Разве это хорошо?!» И мучился, играл. Продолжалось всё это недолго: даже маме стала очевидной бессмысленность этих упражнений. Меня освободили.

Всё изменилось с появлением Мирры Александровны Вознесенской. Студенты Уральской консерватории имели постоянную, в течение всего учебного года педагогическую практику. Одним из таких учеников стал я. М. А. – человек очень внимательный, сдержанный, она умела смотреть и слушать, и никогда не давила. Кроме того, для меня было, по-видимому, очень важно, что занятия проходили дома, и я проще, естественней воспринимал М. А. Она, действительно, очень спокойно, мило держалась, я был для неё не объектом практики, а живым мальчиком. Она занималась с этим мальчиком своим любимым делом, и не откликнуться, по мере моих слабых музыкальных сил, было невозможно.

Раз в две-три недели М. А. представляла меня на прослушивание в консерваторию старшему преподавателю Надежде Александровне Спасской. Уже одно то, что серый, мало что видевший мальчик являлся

---

[1] Таисия Александровна Глотова, двоюродная сестра, которая воспитывалась после смерти мамы родителями Н. В. Глотова (*Ю. Г. Суетина*).

в консерваторию, поднимался на второй этаж, проходя мимо классов, из-за дверей которых доносилась музыка, видел, просто видел, даже не общаясь, взрослых людей, занимавшихся интересным и серьезным делом, – уже это было очень здорово. Надежда же Александровна – человек удивительный, ясный. Маме рассказал кто-то из родителей моих соучеников, её близких знакомых, что Н. А. была очаровательной девушкой и подававшей большие надежды музыкантшей. Но неожиданно проявилась базедова болезнь, она добилась откровенной оценки происходящего у хорошего врача, который вынужден был сказать, что, скорее всего, это будет тянуться всю жизнь, что он не уверен в здоровье будущих детей, что, конечно, её будущему мужу придётся чем-то жертвовать. Н. А. приняла и осуществила простое решение: она отказала любимому человеку и избрала преподавательское поприще, у неё не было личной жизни, но были ученики, которые, по моей памяти, со стороны, очень её любили. Учила она замечательно.

Как-то я был совершенно «не в настроении», что сочеталось с неподготовленностью к уроку, естественно. Промучил одну вещь, Н. А. пыталась что-то поправить, но безуспешно. Выжал из себя вторую. Теперь уже без поправок Н. А. попросила меня продолжать. Домучил третью. Она помолчала, потом спрашивает: «Коля, а тебе нравится играть, слушать себя?» – «Редко». – «Ты – счастливый» – «?» – «Мне хуже, я люблю играть и слушать себя. Представляешь, какая это мука – слышать всю грязь, несовершенство, сырость, пока работаешь над чем-то новым. Исстрадаешься вся. А тебе хорошо: оттачивай спокойно, пока равнодушен, а в твоё «редко» – с радостью можешь слушать». Этим урок и закончился. Мне до сих пор стыдно. Чтобы являться всегда готовым на «ять» на прослушивание – это совершенно невозможно, но играя ей, я с тех пор выжимал из себя всё возможное, выкладывался полностью.

Лет 12–13-ти в концерте Г. Гинзбурга я услышал впервые бетховенское «Посвящение Элизе». Совершенно потрясенный, заявил М. А.: «Хочу играть сам!» Она удивилась, но согласилась тут же, хотя ничего подобного в её планах не было. Выучил я «Элиз» молниеносно и со всё захлестывающей страстью двенадцатилетнего мальчика врубил её на ближайшем прослушивании. Н. А. долго сидела молча, не реагируя на мой восторженный взгляд, ожидающий похвалы. Потом спросила: «Коля, это что?» – «Как что?» «Посвящение Элизе» Людвига ван Бетховена!» – «Нет, это – жаба!» (С тех пор

я понимаю выражение «как холодной водой окатили».) Спустя минуту: «Попытайся ещё раз». Играл я уже другим. «Теперь ты знаешь, над чем нужно работать, а техникой вы с М. А. займетесь». Всё! Никаких нотаций, ехидства, улыбочек. Удавалось ли мне столь благородно вести себя по отношению к моим студентам?!

М. А. заканчивала консерваторию, но работать должна была в Свердловске. Конечно, было договорено, что она меня не оставит. И вдруг: выходит замуж за своего сокурсника румына и собирается в его Румынию! Это было ужасно. Я не ревел только что, но точно помню были, как говорила мама, «слёзки на колёсках». М. А. успокаивала: не волнуйся, передам тебя в руки хорошего человека.

Это был Юрий Михайлович Чубуков, тоже студент консерватории. Очень спокойный, аккуратный, сдержанный, скорее, холодный, замкнутый, ледяной. Занятия – по вечерам в музучилище на улице Горького, заканчивались в одиннадцатом часу вечера, возвращаться по темным улицам зимой страшновато! Но во-первых, музыку-то я уже любил. А во-вторых, никакой он не ледяной и не сухарь. Человек очень чуткий, мягкий; от этой мягкости и смущения просто держал себя с людьми посторонними замкнутым. Со мной происходило то же самое, в итоге – мы друг друга взаимно уважали. И только. Жаль, потому что, будь мы с ним поближе, я бы получал уроки не музыки, но музыкальной культуры. Ю. М. – великолепный, широко эрудированный музыкант. Как он играл финал 5-го фортепианного концерта Бетховена на выпуске в филармонии!

В 8-м классе Ю. М. привел меня к 1-й части 1-го концерта Бетховена. В это время группа мам решала, что нам следует оформить наш уровень музыкального образования и получить аттестат за музыкальную семилетку. Для этого отдали нас на полгода на «доводку» в музыкальную школу во Втузгородке: сольфеджио, история музыки, музлитература. Я справился со всем, кроме муз. диктанта: ни тогда, ни сейчас не понимаю как это можно слушать звуки и записывать их в виде нот?! Скорее всего, это абсолютное отсутствие слуха. Но у меня ощущение, что дело в другом: что-то не замыкается в мозгу, по причинам функциональным, но не органическим. Или это и есть отсутствие слуха? Во всяком случае поставили мне по сольфеджио троечку (я действительно очень старался!), по прочим предметам четверки. Как тут не будет комплекса неполноценности? Это рядом-то с музгениями – Шадриным (он был из семьи какой-то музыкально-богемной, жили они прямо напротив «Большого Урала», в старом кирпичном

доме), Юлей Климовой и Ритой Корги. Последней я очень завидовал: она играла любимый мной 3-й концерт Бетховена. В школе же нужно было сдавать и экзамен по игре. В каждом монастыре – свой устав: прежде чем допустить нас до экзамена, школьное начальство должно было решать, удовлетворяем ли мы их высокому уровню. Устроили за неделю до экзамена прослушивание. На следующий день, на уроке Ю. М. спрашивает: «Что у вас вчера произошло?» – «Как что? Да ничего. Играли». – «Ты волновался?» – «Нет, чего волноваться-то? А почему Вы спрашиваете?» – «Понимаешь, мне позвонили, говорят, что ты играл ужасно, к экзамену абсолютно не готов». Я сник: ну, куда мне тупому?! Ю. М.: «Не верю. Это какая-то чепуха. Сейчас-то нормально сыграл. Просто случай. Бывает. Давай завтра вечером там, в школе, встретимся и поиграем». Встретились, поиграли, включая бетховенский концерт: «Какая-то чепуха. Всё будет нормально, даже не думай». Ю. М. умел говорить: спокойным перед экзаменом я не был, но переживаний, бессонной ночи и пр. тоже не было. Экзамен, полный зал, за столом всё школьное начальство. Вышел я, Ю. М. (ко второму роялю – концерт!). Отыграл программу. Мне похлопали, я поклонился и отправился в коридор. И тут началось: все выскакивают из зала, включая учителей школы, наших гениев и их студентов-учителей, глаза горят, меня поздравляют, чуть ли не целуют. Ю. М. мне даже пару раз улыбнулся. Оказалось, что я играл лучше всех, просто гениально. И хотя всем поставили пятерки, но мне какую-то особенную. Я же был отчасти рад, но безгранично – удивлен!

Следующий год мы с Ю. М. заканчивали «Блестящим каприччио» Ф. Мендельсона-Бартольди. Это – моя пианистическая вершина и наслаждение, мало с чем сравнимое. Всю жизнь ищу пластинку «Блестящего каприччио». Экзамен – пять.

И вот тут я понял: нужно кончать! Музыка вошла мне в душу. Играть плохо – не могу слышать, играть хорошо – бесконечный труд при мизерном результате. Мой высший уровень – общий средний, не более того. Конец. Родители не настаивали. Ю. М., подумав, согласился. Приятно удивило, что после экзамена меня пригласила проф. Наталья Николаевна Поздняковская, спросила, почему бросаю, хорошо ли подумал, советовала ещё подумать. Нет. Всё. Конец.

Бросают учиться музыке 95, если не 99 % детей, особенно «со слабыми ушами». Странно другое: мне удалось подняться достаточно высоко, почти до уровня, пусть простого, но творчества. И могу сказать одно: музыка сделала меня другим во всем. Если сегодня я умею

(и это не такое уж частое свойство) слушать, что говорят другие люди, это – от музыки. Не говоря уж о том, что у меня есть ещё одна пристань радости.

Самостоятельно пытался играть «Лунную» и «Патетическую», несколько пьес из «Годы странствий» Ф. Листа, «Революционный этюд» Шопена, одну сонатину П. И. Чайковского, в которой обнаружил зачаток темы его фортепианного концерта… Несколько раз в студенческие годы играл в концертах самодеятельности. Но – не могу, не то, научили слышать безобразие! Раз в несколько лет, при случае, вкрадче прикасался к клавишам. Лет двадцать пальцы помнили «Элиз», а потом и её они забыли. Вот теперь уже всё совсем.

12.07.1986

Институт.
Н. В. Тимофеев-Ресовский

В начале лета 1957 г. я получил аттестат зрелости в школе № 37 Свердловска и на следующий день отнес документы в Свердловский медицинский институт. Я был поражен тем, как меня приняли: отв. секретарь приемной комиссии лично помогал мне заполнять все бумаги, не отходя ни на шаг и счастливо улыбаясь. Чуть что не благодарил меня за честь, оказанную институту. С радостью и смятением я рассказывал об этом родителям, не понимая, что всё очень просто: мед. институт, мальчик, свердловчанин, с золотой медалью – высшая категория для отчета отв. секретаря! С волнением и некоторым беспокойством я стал ожидать приглашения на собеседование: какие будут заданы вопросы? смогу ли я на них ответить? а вдруг решат, что я не подхожу? В последних числах июля я получил письмо: узкая полоска с машинописным текстом – «Вы зачислены в Свердловский государственный медицинский институт на 1-й курс лечебного факультета. Вам следует прибыть в институт 1-го августа, имея при себе необходимые вещи, для поездки на сельхозработы».

Вот так-то. Это было первое разочарование в медицине. Родители заволновались: какие с/х работы с твоим сердцем? Галя[1] была более решительной: сейчас же беру справку у твоего врача в детской поликлинике (тогда из детской поликлиники переходили во взрослую после окончания школы) и отнесу ее в мед. институт. Но не тут-то было!

---

[1] Галина Васильевна Черникова (урожденная Глотова) – родная сестра Н. В. Глотова (*Ю. Г. Суетина*).

Я решительно заявил, что – еду. Я здоров, не желаю отрываться от коллектива, что я, хуже других?! А если она всё-таки пойдет в институт, я напишу особое заявление: всю ответственность за возможные медицинские последствия беру на себя! Диагноз Гали был прост: дурак. Ни она, ни родители настойчивости не проявили, как оказалось, к сожалению.

Так я оказался в своем первом и единственном студенческом с/х отряде, сформированном из медалистов, зачисленных без экзаменов. Прочие абитуриенты в августе сдавали ещё экзамены. Мы же, человек 20-30, – передовики.

Август. Белоярский район. Живем группами по избам. Сенокос. Кормят прилично и всё по-хорошему. Работа тяжелая – подавать сено на высоченные стога. Работаем весело. Запомнились – Ирина Зворская, будущая староста нашей группы (3-й), Володя Дагуров (поэт и кандидат – фармаколог), Володя Котельников (под гусара, с дикими комплексами, доцент – хирург), его будущая первая жена Виолетта Петухова (хороший детский врач) и её подруга Галя, симпатичная татарочка Диля. 24-го августа меня отпустили в Свердловск на 60-летие папы. С конца августа работали на мокрых лугах (по колено в воде), резиновых сапог у меня не было. Привезла мне их Диля, ездившая в Свердловск, числа 10 сентября. И, подобно Павлу Корчагину, я почувствовал себя в тепле и покое, но, как и у Корчагина, было поздно. Полный упадок сил, боли в области сердца. Ассистент – терапевт, одна из руководителей группы, когда я пожаловался, осмотрела меня, выслушала мои рассказы о прошлом и спросила в ужасе: «Зачем Вы поехали сюда?! Это же эндокардит!» С трудом уговорил не сопровождать меня до дома: автобусная остановка на ул. Малышева, напротив гостиницы «Центральная», квартал до Красноармейской, 19.

Прибыл. Паника. Лидия Васильевна Бирюкова тотчас поместила меня в очень хорошую заводскую больницу (где-то на Декабристов, по-моему) радиозавода, где консультантом был ее приятель – замечательный терапевт профессор Давид Михайлович Зислин. Похоже на эндокардит, началось обследование. И конфуз: сделали ЭКГ и отправили к кардиологу для прочтения и заключения. Он звонит: «Сколько лет больному Глотову?» – «18 лет». – «Послушайте, у вас там что происходит? Ведь под этой фамилией прислали ЭКГ 50-летнего!» Паника. Повторная ЭКГ. Передают единственную ЭКГ из рук в руки. Итог: несомненно, что ЭКГ 18-летнего Глотова и столь же несомненно,

что она характеризуется всеми признаками 50-летнего. Тут все забегали, Д. М. не отрывает от меня глаз. Строгий постельный режим. Через две недели повторная ЭКГ – абсолютная норма. «Ну и ну!» – сказал мудрый Д. М. Потом он предлагал мне лечь на 2 месяца на полное и всестороннее обследование к нему в клинику института Профзаболеваний: «Отдельная палата. Полная свобода. На субботу-воскресенье домой. Но я должен тебя ежедневно видеть и все-сторон-не обследовать! Я должен о тебе знать всё. Я не понимаю, что с твоим сердцем. Но подозреваю. В военное-послевоенное время был в моде диагноз Г. Ф. Ланга дистрофия сердечной мышцы. Никто толком не понимал, что это такое. Я тоже. Так вот: это твое сердце». Я чувствовал себя здоровым, был молод и самоуверен. Всё худшее позади – зачем мне обследование?! Дурак, конечно, в очередной раз.

Осталась в памяти маленькая чистенькая больница с очень добрым и прилежным персоналом. В палате человек 6, простые рабочие люди от 25 до 50. На кровати рядом умирает от рака изможденный пятидесятилетний человек. Желчен, тихо-злобен, молчалив. Сейчас бы сказали, что черная аура окружает его. Теперь-то я понимаю, что всё не так: он всё знал и безмерно страдал от боли. Ему едва хватало сил не показать свои страдания, а мы хотели доброго улыбчивого отношения к другим. Однажды утром проснулись – постель пустая, умер.

В начале октября я был на воле. Студенты уже вернулись из колхоза, и начались занятия. Первый урок политэкономии: в середине семестра стали раздавать деньги, заработанные в колхозе. Все получили от 0 до 10 рублей, я – около 60! Дело в том, что заработки на сенокосе были хорошими, а после моего отъезда ребят перебросили на уборку картошки, где они благополучно и проели всё заработанное.

Первый год учебы – какой-то кошмар. Во-первых, никакого навыка учебы в ВУЗе. Какие-то лекции, не связанные с ними практикумы. Во-вторых, теоретическое изучение анатомии – по учебнику и атласу, препараты, на которых ничего не видно. Кость такая, кость этакая. Одни кости. Потом – одни связки. Потом – мышцы. И т. д. Каждая система отдельно от другой. Отдельные разрозненные структуры с непонятной функцией. Конечно же, нужно по Лесгафту: структура – функция. Нужны модели органов и систем, как у американцев. У всех у нас – тупая, бессмысленная зубрежка. Как я сдал анатомию на «4»? И за что мне эти «4» поставили? Но ещё важнее: как другим, старательным и честным студентам, ставшим хорошими врачами, удалось получить «5»? И действительно ли они хорошие врачи?

Не помню и не понимаю, как я сдал первую сессию. Весной, перед экзаменами второй сессии, я опять загремел в больницу – сельхозработы напомнили о себе. Вторую сессию я сдавал после всех. За что мне ставили пятерки? Доцент Зубрицкая явно за то, что когда-то работала бухгалтером с моей мамой, а потом занялась химией, получив высшее образование. Она видела перед собой сына Анны Захаровны. Ассистент кафедры биологии буквально «трясла» меня по первым двум вопросам (не помню, каким). Я и знал, и соображал. С третьим вопросом всё было просто: антропогенез я не читал, о чем и сообщил экзаменатору. Она поставила «5», заметив: «Скажите спасибо своим родителям, что они сделали Вас таким умным».

Единственное светлое воспоминание о первом курсе мединститута – лекции зав. каф. неорганической химии Николая Сергеевича Страхова. Он совершенно блестяще, по форме – холодно-интеллигентно, почти чопорно, всегда в строгом черном костюме – идеальной белой сорочке-галстуке, излагал основы квантовой химии. Очень красиво и очень логично. (Подавляющее большинство студентов от его лекций стонало: непонятно ни-че-го.) Превосходно был поставлен практикум: очень конкретно и наглядно, четко организован и в пределах занятия, и по последовательности занятий. Химия всю жизнь была и остается мне чужой: я ничего не чувствую и не понимаю общей структуры. Но красоту и смысл, возможности химии Страхов мне показал.

Почему я пошел в мединститут? Я построил «основательную теоретическую схему». Одно из моих свойств – тяга к ясной детерминистской структуре, порядку и справедливости. С раннего детства – масса фактов. И к социальной справедливости. В 10-м классе я совершенно серьёзно собирался на целину. Конечно, семья была в ужасе. Но, памятуя о поездке на с/х работы в мед. институте, ещё вопрос, сумели бы они со мной справиться! В этом случае, однако, всё решилось очень просто благодаря Таисии Федоровне, Галиной соседке по квартире на ул. Спорта. Это женщина с тяжелой судьбой. Без семьи, великая труженица, вечно бившаяся в нужде; работала, кажется, в торговле и, если не ошибаюсь, даже сидела. Повезло ей на закате жизни. Знаменитым в 80-е годы взрывом на станции Свердловск-Сортировочная разнесло её комнатенку, Т. Ф. дома, к счастью, не было. Дело было громким, и – редкий случай – дали сверхкомпенсацию (т. е. нормальную компенсацию) и финансовую, и жилищную. Так вот, услышав однажды мои рассуждения о целине, Т. Ф. просто заметила:

«Ну что ж, помотай соплей-то на кулак». Протрезвел сразу. Вдруг осознал, что ведь в реальной жизни я ни-че-го не умею.

В 9–10-м классе мечтал стать прокурором – чтобы наводить порядок и справедливость. В этом мире. К счастью, начал обсуждать эту идею с Анной Коновной Острянской, прокурором, тетей Евгения Николаевича Черникова, мужа Гали. Слушая мои рассуждения, она совершенно гениально молчала, а в глазах её я читал удивление и неодобрение. Как сейчас помню, провожал я её домой, шли по Малышева от Красноармейской к Мамина-Сибиряка. Я заливался, а А. К. молчала. Скоро опять же наступило отрезвление. Могу себе представить, что бы получилось, пойди я в юридический. Свихнулся или спился бы. Определенно.

О гуманитарной направленности речи не было. Особенно к литературе школа выработала устойчивое отвращение, снятое потом Тимофеевым-Ресовским и особенно Виктором Андреевичем и Ниной Федоровной Кузнецовыми.

Математика – исключение. Несмотря на мои пятерки, ощущал себя по части математики просто тупым.

Физика – жуткое, начетническое воспитание школьного учителя Цигвинцевой. Идейно, но не методически, это было снято Г. Г. Талуцем и Л. Я. Кобелевым.

Остается: медицина и техника. Во-первых, по технической части я беспомощен: руки-крюки, есть руки золотые, а есть руки, в которых всё горит. Последние – мои. Но это не главное. Главное же в том, что в тех. институте студент 5 лет изучает всё для него новое, а потом всю жизнь работает с одной машиной. В мед. институте всё наоборот: 5 лет студент зубрит одно и то же, и всю жизнь каждый новый больной – это новая задача. Хороша теория.

В конце школьного выпускного вечера я подошел к Соломону Абрамовичу Жуковскому, нашему замечательному математику: «Куда Вы, Коля, собираетесь поступать?» – «В мед. институт». – «?» (изумление в глазах беспредельное.) Я страстно и убежденно изложил свою теорию. «Вы хорошо подумали?» – «Да». – «Вы окончательно решили?» – «Да». – «Ну что же…» Как бы я поступил, если бы С. А. твердо сказал: «Чепуха все это. Идите на физмат.»?

Трудности перехода от школы к нашему советскому институту (у американцев всё это много умнее и естественнее) имели и другую причину. Уже в первом семестре я понял, что попал не туда. Никакой строгости и логики, никакой научности здесь (по крайней мере в этом институте) нет. Надо было идти на математику! Это – не моё. Решение:

бросать или дотянуть год и бросить, поступать на физмат в университет. Но тут восстали домашние. Началась борьба, сплошные нервы… И вот здесь-то родители нашли удивительный ход. Родители, особенно папа, остро переживали, что им не удалось получить высшего образования. Они воспринимали это как страшную ущербность: «Нет ничего страшнее и бессмысленнее вечного студента. Насмотрелся я на них… Всю жизнь ищут и выбирают. И ничего из них не получается. Бросишь мед. институт, а вдруг в университет не поступишь? А если поступишь, где гарантия, что вновь не разочаруешься? Снова бросать? Или решишь, что теперь-то придется терпеть… Это будет ещё хуже». И далее последовал ход мысли: «Если ты такой умный, кончи два: и медицинский, и физмат». Я немедленно ответил: «Да».

К этому времени нас было четверо. Кроме меня, Саша Никифоров из нашей 103-ей группы, Сережа Ворошилин, годом старше и Алик Позолотин, двумя годами старше. Сережа и Алик – выпускники нашей 37-й школы. Правда, никто из моих друзей покидать мед. институт не собирался. Мы стали посещать вечерние занятия на физмате[1]. Алик отпал очень быстро, мы трое занимались математикой года три. Упорнее всех учился Саша. Но в итоге-то к математике (мат. статистике) «прилежащим» оказался только я. Итак, утром – мед, вечером – мат. Конечно, качественного математического образования, даже начального, я не получил: требовалось полное переключение мозга, для меня оказавшееся невозможным. Ценным было другое: я систематически прослушал, «обозрел» основы математики: мат. анализ, линейную алгебру, диф. уравнения, теорию вероятностей и, что самое главное, – теорию функций действительного переменного, т. е. теорию множеств. Особенность в том, что я систематически слушал лекции, читал и обдумывал, почти не имея практики (сил для неё) и не сдавал зачетов и экзаменов. Ни интегрировать, ни решать диф. у-ры, ни обращать матрицы я не умел и не умею. Но у меня в голове сложился образ структуры здания математики, и теперь я в состоянии общаться с математиками, доводить до них мои образы-модели и понимать, что они творят с биологическими объектами.

---

[1] Мы посещали по договоренности с деканатом занятия на вечернем отделении математического отделения физико-математического факультета без сдачи экзаменов и зачетов; прекратили посещения, так как почти всех законных студентов отчислили за неуспеваемость, а несколько оставшихся перевели на дневное (*Сергей Иванович Ворошилин, канд. мед. наук, доцент Уральского медицинского университета – друг Н. В. Глотова*).

Помимо математики, мы пытались совместно читать и обсуждать генетику (у Сережи была «Генетика» Синнота и Дена), биохимию – биофизику (двухтомник «Современные проблемы биофизики»), теорию эволюции (книги Шмальгаузена) и т.п. Собирались чаще у меня и писали мелом на черной печке[1] в моей комнате. Эти семинары создавали определенный духовный настрой, определенную целеустремленность, формировали широкий кругозор. Но не более того. Мы пытались взлететь на самые-самые высоты, минуя фундамент. «Высшее образование без среднего» (по Л. А. Блюменфельду). Думаю, что я всегда сознавал, что я получаю от такого рода занятий.

Похоже, тупик был близок. Тем более, что где-то в конце второго – начале третьего курса возникли неожиданные проблемы со здоровьем. Ко мне пришла бессонница. Абсолютная. Я не засыпал ни на минуту. Читать, работать при этом я не хотел: как же я буду работать днем, отдых-то нужен! Однако расслабленного лежания в ночи вполне хватало: днем я чувствовал себя отлично, такой высокой работоспособности у меня никогда не было. Но через неделю я напугался: что дальше? Так ведь можно и рехнуться. Сознался Гале. Она всплеснула руками, расстроилась и потащила меня к Иосифу Львовичу Кейлину, с которым тогда работала в 7-й горбольнице на Пушкинской. Тот посмотрел на меня, порасспрашивал. И заключил: «Коля, ты что, хочешь стать Векслером? Нет, твой организм тебя не пустит. Выбирай что-нибудь одно: или медицина, или математика. Я дам тебе кнут – пилюли, которые нужно принимать трижды в день в течение 10 дней. (Состав был очень сложным, рецепт пришлось подклеивать. Помню, там были стрихнин и бром. К сожалению, рецепт этот затерялся где-то в Обнинске.) Это сразу и полностью снимет бессонницу. Но ты сам должен дать своему организму пряник – немедленно бросить одно из занятий. Если организм получит одновременно кнут и пряник, всё будет хорошо. Если нет, на 11-й день всё начнется сначала». Я ушел успокоенный. Заказал пилюли, на следующий день начал принимать. Немедленный результат – спокойный глубокий сон, огромная работоспособность днем. «Ага, – сказал себе я, – действует! Но откуда следует, что нужен и пряник? Ведь я молодой и здоровый. Ночного отдыха вполне достаточно». Двойная учеба продолжалась. Будучи человеком предусмотрительным, я заказал в аптеке новую порцию пилюль.

---

[1] Круглая металлическая печь «голландка» (*С. И. Ворошилин*).

Одиннадцатая ночь была бессонной! Вот тут-то я испугался. Утром кинулся к И. Л., уже минуя Галю. Когда я открыл дверь кабинета, он взглянул бегло и спросил: «Ну, что? попробовал?» Я был просто раздавлен. «Коля, чудес не бывает. Выбирай. Теперь будет всё сложнее, выходить из кризиса будешь постепенно». Сразу я, конечно, математику не бросил. Стал посещать выборочно, наладил систему пропусков занятий в мединституте, устраивать дни отдыха, пить какие-то пилюли Кейлина, не дававшие никакого эффекта.

Иосиф Львович был замечательным человеком и мудрым терапевтом. Когда-то он подавал большие научные надежды. Но это у него не получилось, наверное, потому, что он был Врачом от Бога. Много лет спустя мы с Галей нашли его могилу на Михайловском (?) кладбище (от стадиона к Гурзуфской)[1]. Маленькая могилка, запущенная, у И. Л. вроде бы не осталось родственников. Поклонились. Помянули доброго человека.

Весной 59 года Сережа как-то сказал мне, что на радиофаке УПИ[2] читает лекции по биоценологии (он так говорил, я так понял – о чем идет речь, мы оба понятия не имели) знаменитый (говорят) генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, бóльшую часть жизни проработавший в Германии (и во время войны!), потом сидевший, а сейчас работающий в Институте биологии УФАН. Безумно интересно. Надо идти! Но как? Радиофак – закрытый факультет, строгая пропускная система. Сережа объяснил, что это так, если идти на радиофак. Нужно же с толпой студентов пройти через главный вход – в толпе не до пропусков. Потом по сложнейшей длинной системе переходов пройти на радиофак – там пропусков не спрашивают. Так и получилось! (Когда я потом рассказывал об этом Н. В., он очень смеялся: вот она, советская система секретности, идиотская!) Я отпросился с занятий по нормальной физиологии. Пришел пораньше. Нашел аудиторию. Сперва народу было немного, потом она заполнилась, хотя и не ломилась – человек 60–70. Впервые увидел Т.-Р., беседовавшего с какой-то пожилой дамой. Наконец, лекция началась. Т.-Р. присел на край стола: «В прошлый раз…».

Всё! С точностью до мига – моя судьба была решена. Это – моё. Он ещё ничего не сказал, а я ничего не услышал. Но – моё. Навсегда. Как это получилось? Почему? Видел я лекторов, присаживающихся

---

[1] Кладбище – Ивановское (*С. И. Ворошилин*).

[2] Лекции читались не на радиофаке, а на физико-техническом факультете Уральского политехнического института (УПИ) (*С. И. Ворошилин*).

на стол. Невоспитанность и пижонство. Однажды в МОИПе[1] так вел себя М. С. Гиляров – я поморщился. Раз я сам присел, читая лекцию, на край стола, но опомнился, смутился. А Т.-Р. – можно. Даже не то, что можно, он не мог так себя не вести. Абсолютная и внутренняя, и (поэтому) внешняя свобода и естественность. Это в нем и привлекало.

Я родился дважды. Один раз – как все – от родителей. Вечная им память и поклон. Другой раз – от Н. В. Горжусь: когда Елена Саканян записывала меня (очень много) в связи с фильмами о Зубре[2], ко мне подошла в конце последнего дня оператор звукозаписи: «Вы были очень хороши. Вы ведь не первый. Все охотно рассказывают о себе, очень любят переключаться на своих родителей. А вы с полной отдачей – только о нем». Я искренне удивился: «Так он же мой научный отец». – «Ну, если так…» – «Именно так и только так».

16.01.1994

Учителя

Учителя школьные. Учиться я начал в Берлине с 7 лет, и неудачно: спустя месяц начались мои сердечные дела, когда поправился, первая четверть кончилась, решили начинать с будущего года. Помню только, что первое школьное начало было для меня довольно трудным, как-то плохо всё получалось. Наверное, рано мне было начинать с семи. На следующий год всё пошло как по маслу. Все 10 лет в школе я учился в общем-то легко. Хотя, конечно, работал. И работал основательно, дурака не валял. Не сделать домашнее задание – понятия такого не было.

Учился я в замечательной школе – ср. школа № 37 г. Свердловска (по ул. Первомайской)[3]. От нас это было очень далеко. Но так уж сложилось: в августе 48 г., когда мы вернулись из Берлина, мест в ближайших к дому полных десятилетках не было. Школа № 37 – смесь детей рабочих и офицеров штаба Уральского военного округа. Говорят, что во время и сразу после войны это была одна из самых хулиганских мужских школ города. (Школы тогда были раздельными по полу!

---

[1] Московское общество испытателей природы (*Ю. Г. Суетина*).

[2] Документальная кинотрилогия о Н. В. Тимофееве-Ресовском (*Ю. Г. Суетина*).

[3] Школа в годы войны с 1941 по 1943 была превращена в женский госпиталь, а когда ее вновь открыли, укомплектовали очень сильным учительским составом, включая учителей с университетским образованием. Школа была ориентирована на подготовку будущих студентов УПИ (*С. И. Ворошилин*).

Смешали нас с 8-го класса, или 7-го?[1]) Остатки этого я захватил: в первых классах сидел за партой с Витей Порозовым, из 4-го, по-моему, ушедшим в колонию. Я столкнулся с ним на улице классе в 7-м, это был уже сформировавшийся вор-разбойник. Но мальчонка был не плохой. Говорят, что крупными уголовниками стали (они как-то исчезли, и о них лишь глухо упоминали в 6–7-м) одноклассники – Витя Ардальонов и Витя Чечнев. Смесь социальная, действительно, была дикой: от беднейших (по одежде и тому, что на переменах ели) до сына начальника штаба округа Шевченко, сына и дочери начальника Дома офицеров Филоненко, сына директора Уралмаша Кротова и т. п.

Были учителя, конечно, и серые, и равнодушные, и злые, плохие люди. Но много было хороших учителей.

Прежде всего математик Соломон Абрамович Жуковский. Появился в 8-м классе. Невысокий, плотный, как-то просто-бедно одет. Очень сдержан. Никакого педагогического опыта, а было ему (по тогдашнему моему восприятию) под 50. Что-то в его облике было, скорее, татарское. Откуда же иначе дурацкое прозвище, сразу же накрепко прилипшее – Джага. Кто он и откуда? Говорили, что С. А. в Свердловске был в ссылке. Жил он в общежитии УПИ. Учительница литературы Гапоненко (? потом она была диктором свердловского телевидения) говорила, что её муж, писавший техническую докторскую, ходит консультироваться по математике к С. А. Я не могу объяснить, в чем суть, но занятия были какими-то нестандартными. Было ощущение, что мы прикасаемся к Математике. Совершенно замечательным был последний урок, его тема «На каком уровне развития математики вы находитесь». Кто был до С. А., не помню. Жил я легко – кругом «5». А с ним стало трудно, иногда очень трудно. Контрольные я успевал закончить не к концу урока, но к концу перемены – ловил С. А. у двери. Было не до черновиков и аккуратности, поэтому очень часто он мне писал жирно красным карандашом: «Очень грязно!», «Небрежно!» и т. п. И обычно мои пятерки (пятерки всё-таки преобладали) сопровождали длиннющие выразительные минусы. Раздавая контрольные, С. А. часто смотрел на меня с недоумением и качал головой, а однажды сказал: «Я Вам удивляюсь, Глотов (обращался на Вы!): решаете правильно, ничего не могу сказать. Но как Вам удается выбирать такие головоломные запутанные ходы?! Ведь всё гораздо проще можно!» Иногда он всё-таки не мог удержаться, ставил «4»

[1] Их выпуск смешали с 8-го класса (*С. И. Ворошилин*).

и писал: «Очень сложное решение!» Отсюда у меня и сложилось твердое убеждение, что я беру максимально возможную для меня высоту, а высшая, настоящая математика не по моей голове. У моего друга – соперника Володи Гриценко, также шедшего на золотую медаль, всё было гораздо легче, спокойнее и естественней (он собирался в авиационный институт, к сожалению, я о нем ничего не слышал). Поэтому-то меня и поразил разговор с С. А. на выпускном вечере.

Пути Господни неисповедимы… Вот сейчас я думаю: А если бы С. А. начал меня уговаривать, и я бы пошел на физмат, что тогда? Очень возможный вариант: Т.-Р. читал в университете, математики на его лекции ходили. Пришел бы и я. И? И не исключено, что пошел бы за ним. Но совершенно на другой основе! Мог пойти, потому что я, конечно, не математик. Вполне возможная петля – эквифинальность.

С С. А. у нас была одна тяжелая история. Его ребята любили. Но детская любовь вполне уживается с жестокостью, особенно когда великовозрастный ребенок кожей чувствует педагогическую беспомощность, сочетающуюся с незлобивостью учителя. Как-то, по-моему, в 9-м класс был зол: Джага наставил кучу «пар». Юра Турченко принес будильник. Его заводили на последней парте. Первая реакция С. А.: «Что такое? прекратите!» Через минуту звонок с другого места: «Вы что?» Опять звонок. С. А. устремляется туда, но звонок уже из противоположного конца класса – умели передавать будильник совершенно незаметно. Можно себе представить, что было с С. А. через 10 минут. Класс сидит с каменными физиономиями. Тут конец урока – звонок. С. А. к дежурному: «Позовите завуча!» Этого не ожидали. От будильника надо избавиться! Дежурный медлит у двери – С. А. оборачивается к нему, и тут Турченко со второй парты буквально врезал будильник в доску. Дежурный тихо «отползает» к своей парте. С. А. растерянно держит будильник, на глазах у него слезы, каким-то мутным взглядом он обводит класс, натыкается на мой взгляд (а меня от всего этого мутит!) и вдруг говорит: «Глотов, пойдемте со мной в учительскую!» Гробовая тишина. Мы с С. А. уходим. Молча до учительской – с 3-го на 2-й этаж. Входим. С. А.: «Что он? Кто?» Я, потрясенный таким поворотом – от кого от кого, а от С. А. не ожидал! – смотрю широко раскрытыми глазами. Тут ещё кто-то из учителей «подтявкнул»: «Глотов хороший ученик, он скажет». С. А. со слезами на глазах: «Кто?» Тут уже я со слезами на глазах: «С. А., да Вы что? Я же не полицейский». С. А. сразу же очнулся: «Извините. Идите». Вернулся в класс – все испуганно молчат. Я, конечно, сказал всё, что думаю

об этих артистах. Не помню, чем всё кончилось. Но никакого репрессивного погрома не было. Мне мой «героизм» дался очень тяжело, как просто стать доносчиком в силу обстоятельств! Ещё неизвестно, как бы я себя повел, начни они давить. С. А. тоже хорош – додумался.

Как-то летом, после окончания первого или второго курса, случайно встретил своего одноклассника Юру Парамонова. Он не учился, где-то работал, он только что попал в авиакатастрофу, не пострадал и выглядел как после второго рождения. Пошли, Коль, к Джаге, я знаю где он живет в УПИ». – «Да ты что, неудобно». – «Пошли. Он любит, когда к нему приходят». Пошли. Маленькая обычная комната в общежитии. С. А. очень обрадовался. Он собирался уезжать, по-моему, насовсем в Москву. Я сказал, что совершенно разочарован в медицине, заговорил о генетике – только что проштудировал «Черную книгу» (Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ). И оказалось, что этот математик полностью, до деталей в курсе всех дел! «Очень рад, что это Вас интересует и что Вы так основательно вникаете. Серьезное и стоящее дело!» Вот какие замечательные люди бывают.

Немецкому меня начинала учить пожилая солидная брюнетка с крупными чертами лица, очень спокойная, учившая языку и мало управлявшая классом. Нача́ла она дала. Запомнилась моя грубая ошибка: Fater, после чего я вынужден был Vater'ом исписать страницы три, с тех пор он у меня в мозжечке! Потом несколько лет учила Софья Моисеевна Левина, бывшая нашим классным руководителем. Хороший учитель, открытый добрый человек, но слабый организатор. Язык с ней шел очень естественно. Однако главный мой учитель немецкого языка – Михаил Яковлевич Волегов. На фронте он был переводчиком – отсюда и свобода языка. Очень твердый учитель. Говорили, что в военной-послевоенной школе он был просто жесток: выбрасывал хулигана за дверь, бил линейкой по рукам. Не знаю, у нас ничего подобного не было, но порядок на его уроке был абсолютным. М. Я. дал мне структуру, прежде всего (что особенно важно в немецком) грамматическую структуру языка. Много сил и часов М. Я. тратил на вне (сверх) классные часы. Помню в 10-м вечер немецкого языка с докладами и концертом нашими силами. М. Я. очень серьезно хвалил меня за доклад о немецких словах в русском языке. Обязательным было чтение вне класса «Neues Deutschland» – страница в четверть. Оставались после уроков, и М. Я. дотошно принимал, как сказали бы студенты, «тысячи». После школы М. Я. немецкий я больше не учил, в институте – детская музыка. Там я отличился,

сдавая нашей преподавательнице (уже после окончания института) кандидатский. Я продумал ход экзамена от первого до последнего вопроса и слова, расставив мелкие ловушки по ходу ответа, в которые она благополучно и попадала. Биография: невинно упомянул, что в 46–48 был с родителями в Германии. «О, как Вы там оказались?» В ответ гладкий рассказ, аккуратно подготовленный. Спецлитература: «Die Evolution der Organismen». «Вы же врач?!» – «Да, но я занимаюсь генетикой…» И опять я её повел. «О, книга издана в Германии в 1943! Откуда она у Вас?!» Опять по накатанной дорожке. Итог: иллюзия свободного владения языком.

В 68 г. был в единственной заграничной поездке, в ГДР[1]. Слабым местом был только словарный запас. Более того, через неделю я поймал себя на том, что думаю по-немецки. Выразить нельзя, как я испугался: «Только неделю я здесь, и уже отключен (?!) родной язык! Проклятые фашисты! (?! – воспитание и детские военные годы). После чего способность думать по-немецки исчезла безвозвратно. По-видимому, сжег какие-то нервные проводники.

Не дай Бог решить, что немецким я владею или владел свободно. Чувствую, владею структурой языка, очень слаба лексика, бедна. Но с гуманитарными старушками из Бад Хомбурга в прошлом году договорился, они мной были довольны, хотя мне было очень трудно. Факторы знания немецкого языка: 1) жизнь в Германии в 46–48, хотя языковые контакты были минимальными; однако твердо знаю, что эффект импринтинга имел место; 2) школа М. Я.; 3) среда Т.-Р., включая чтение детективов, прежде всего Фридриха Дюрренматта. Пример немецкого ясно показывает, что способности моего мозга к восприятию информации и её усвоению довольно ограничены: условия среды были здесь сверхблагоприятными, а до свободного владения языком – как до звезды.

В 9-м, когда занятия были уже на полном ходу, у нас появился новый учитель русского языка и литературы – Николай Владимирович, фамилию не помню[2], почему-то прозвище у него было «дядя Вова»?! Начал с диктанта и просто оценил: «Вы ничего не знаете. О грамотности и речи нет. Вот этим и займемся». Методика была оригинальной. Дядя Вова раскрыл повесть А. П. Чехова «Степь» и вызвал сидящего на первой парте к доске. Начал диктовать с первых

---

[1] О заграничных поездках в 1968 г. и в 2000 г. – см. Основные даты жизни и деятельности профессора Н. В. Глотова (*Ю. Г. Суетина*).

[2] Фамилия – Шаталов (*С. И. Ворошилин*).

строк, вызванный пишет на большой доске, мы – в специальной толстой тетради. Доска исписана сплошь. «Смотрите. Исправляйте. Почему? Исправляйте у себя в тетрадях. Стирай с доски. Садись. Сосед – к доске». И так изо дня в день. В течение всего 9-го класса. Не помню, до конца ли мы «Степь» переписали, но ни слышать о ней, ни видеть её с тех пор не могу. Я считаю себя довольно грамотным. Если это так, то обязан я этому методике дяди Вовы.

До хулиганств на его уроках дело не доходило. Как только оживление переходило допустимую грань, он моментально фиксировал внимание на одном из «активистов» (вовсе не обязательно на лидере). Помню конкретный пример: «Дремова – кол». – «? За что?» – «Ты не слышала, что я говорил, и поэтому этого вопроса не знаешь». – «А Вы спросите!» – «А мне и так все ясно». – «Нет, за что?» – «Я учитель и имею полное право оценивать знания. Только я и сам. Министр просвещения не имеет права исправить мою оценку!» Кол ставился в журнале в виде палочки, которую легко было превратить в 4. Но это мог сделать лишь сам дядя Вова, память на такие штучки у него была абсолютная, и никому даже в голову не приходило влезть в журнал. На перемене начиналась торговля. (Дискуссия на уроке по поводу кола была всегда краткой, все знали, что если она затянется, последует: «Ещё кол! За то, что мешаешь классу изучать литературу, соответственно, русский язык». И в журнале появлялась ещё одна палочка.) Итог её: выучить наизусть и рассказать дяде Вове после уроков главу из «Евгения Онегина», «Хорошо!» Маяковского и т. п. Раньше, говорят, – переписать аккуратно в специальную тетрадь дома у дяди Вовы (он жил при школе) порядочные отрывки из Есенина, Ахматовой, Пастернака и т.п., т.е. писателей и поэтов, тогда мало издававшихся, то, что дядя Вова получал читать от друзей. При этом, говорят, он и чаем поил, и беседа была интересной. К концу четверти, в предвидении появления четвертных оценок обладатели колов оставались после уроков, обычно с друзьями (помощниками и болельщиками). Дядя Вова дремлет за учительским столом, Люся Дремова шпарит главу из «Онегина», поминутно спотыкаясь, её подруга Милка Бусыгина с текстом в руках непрерывно подсказывает. Дядя Вова время от времени приоткрывает глаза: «Бусыгина!» Милка ненадолго умолкает. Потом всё начинается сначала, потому что Люся умолкает тоже. Конец главе. Тишина. Люся: «Николай Владимирович, всё!» – «Ну, что тебе сказать, Дремова. Слабо, конечно». – «Николай Владимирович!?» – «Ну ладно, ладно. Исправим твой колик на 4».

Дядя Вова – седой, старый, больной. А было ему максимум 40. Я сам слышал от него его трагическую историю: «Я оказался на фронте, будучи студентом филфака. Рядовой в пехоте. Наступление. Рота ушла вперед. А меня задержал старшина, нужно было хозяйственные дела с ним заканчивать. Догоняем роту, уже прошедшую окопы противника. И вдруг видим: в углублении, у куста уткнулся головой в этот куст, обхватив голову руками, лежит, плачет, дрожит мальчишка только что пришедший с пополнением. И испугавшийся в первой атаке. «А, сука, другие под пули идут, а ты спрятался», – заорал старшина, сдавил автомат и – длинная очередь. Только мозги брызнули. Я закричал от ужаса. «Что студент, б… А ты думал…?» «Что-то у меня в голове тогда произошло». От этого и седой, и больной, и старый. И временами – странный.

Каждый выпускной класс считал свои долгом преподнести дяде Вове подарок – какие-нибудь дурацкие часы, письменный прибор и т. п. Только дяде Вове. Не потому, что как-то особенно его любили. Видели и чувствовали, что это для него очень-очень важно. Он просто весь светился-гордился, сиял. Тут же с вечера представители всех классов направлялись с этими подарками к нему домой. Сам дядя Вова, чрезвычайно гордый и важный, шел во главе этой процессии. Для него это было символом нужности для других. Оценили, не зря живу и тружусь. За всю жизнь я ни у кого такой реакции не видел.

А вот по литературе дядя Вова был, по крайней мере для меня, обычным стандартным учителем. Любви к литературе не разбудил. Научил писать добротные сочинения, обязательно с привлечением дополнительной литературы. Из 10б рассказывали. Раздает сочинения. «Гудков, это же детский лепет!» – «Профессора Благого, Николай Владимирович». – «Что-что?» (Слышал он, действительно, плоховато.) – «Нет-нет, ничего». – «То-то же».

История. Валентина Петровна Корунова[1]. Учебник для меня ничего не значил: бегло и скучно. Может быть потому, что не то на 8, не то на 10 лет папа подарил мне трехтомник «Моих воспоминаний» Бисмарка. (К сожалению, осталось в Обнинске. Может быть, всё-таки кто-нибудь читает?) Я учил историю по трехтомной «Истории дипломатии». Это было, действительно, интересно. У папы завалялся политиздатовский сборник «Международная политика СССР» – подборка

[1] От В. П. Коруновой я впервые услышал о Коле, когда она как-то на уроке упомянула о совершенно замечательном ученике Коле Глотове из класса, где она была классным руководителем (*С. И. Ворошилин*).

газетных статей на начало 41 г. И там в статье из «Известий» черным по белому: «Разложившаяся панская Польша в течение двух недель развалилась под совместными ударами доблестных германской и советских армий». ?!? Я в шоке. Принес этот сборник В. П. Вела она себя как-то очень деликатно: напрямую не уклонилась, прямо ничего не сказала, у меня осталось ощущение, что ответ на вопрос я получил, никому ничего не сказала и в классе не обсуждала. Сколько помнится, дело было до XX съезда партии.

О В. П. осталась память как о совершенной учительской справедливости, сочетающей твердость и такт. Классе в 7-м: перемена, дежурные, в том числе Валера Сеткин (будущий декан – архитектор в УПИ), естественно, выгоняют всех в коридор – проветривают класс, наводят порядок. Естественно, все непрерывно в класс лезут, поэтому дверь закрывается на ножку стула, и через закрытую дверь дежурные переругиваются с одноклассниками, пытающимися интенсивным дерганьем вытолкнуть ножку стула – стул приходится держать. Перемена кончилась, но за общим гомоном и шумом дежурные звонка не услышали. У дверей – В. П., следующий урок – Конституции СССР – её. «Сеткин, открой». Он не слышит. Валентине Петровне помогают, стучат, кричат. Тогда разъяренный Сеткин (звонка он не слышал) приникает к замочной скважине и смачно плюёт. Гробовая тишина. Сеткин понимает, что что-то не то, распахивает дверь: перед ним В. П. с обширным «харчком» на платье. Она побелела, Сеткин побелел. В. П. достает платок, аккуратно вытирает платье. Глухим голосом: «Проходите все и садитесь». Класс – тише воды, ниже травы. Ясно, что не нарочно. Но ведь сейчас – к завучу, к директору, вызовут родителей: плюнул на учителя! Общее молчание тянется бесконечно. Наконец, В. П.: «Сеткин, встать! За нарушение элементарных правил социалистического общежития ставлю Вам по Конституции СССР единицу! Садитесь». Вот это учитель!

Муж у В. П., говорили, рано умер. Она подняла трех дочерей. Все трое окончили школу с золотыми медалями.

Об учительнице географии под названием Тулома[1] и вспоминать не хочу... Несмотря на её злобные реакции и жестокость наказаний, гадости ей устраивали при каждом удобном случае. Любимая: так

---

[1] Александра Васильевна Иванова, работала в школе с ее основания, незамужняя, бессменный секретарь парткома, имела ордена Красного Знамени и Ленина; прозвище Тулома получила за энергичность, по названию реки Тулома, где была самая северная в СССР ГЭС. Была очень сурова на занятиях, но на экзамене могла намеками подсказать ученику ответ (*С. И. Ворошилин*).

повесить карту, чтобы она сорвалась минут через 5–10, с грохотом: «Новые формы хулиганства! Скоты! и пр., и пр. Однажды после такого: «Глотов к доске. Карты вот у нас нет, отвечайте без карты» – это она просто сладострастно. Класс заурчал – прикрикнула. В абсолютной тишине не спрашивала, гоняла по карте минут 15. «Ну, что ж, – 4». Класс взвыл. Но урок кончился. Она равнодушно посмотрела вокруг – и вышла. Однажды дошло до того, что класс единодушно решил: всем! не ходить на её уроки! сами будем готовиться и сдадим экзамен комиссии! Звонок на урок географии – класс пустой. Кто – куда. На третий урок явился завуч Г. А. Иванов. Долгие объяснения, крики. Родительское собрание с учащимися – гнуснейшая форма. Когда в ходе длинных разборок спросили меня, почему мы на это пошли, я брякнул: «Восстали падшие рабы!» Началось собрание: родители, ученики, класс переполнен. Входит Тулома и подсаживается рядом со мной. Минуту спустя: «Коля, как ты понимаешь фразу «восстали падшие рабы, а?» Я – верх дипломатии: «Простите, говорит Георгий Алексеевич».

И всё-таки географию я полюбил в школе. Из-за одного урока. Его проводила заменявшая болевшую Тулому Мария Андреевна из соседнего класса. Фамилию не знаю[1]. В течение этого часа география ожила: не помню, ни о чем, ни как, но была сказка. Ну, и завидовал я до конца школы 10-м «а» и «б»!

Биология. Руина Лазаревна Муллер. Масса цветов в кабинете биологии. По-моему, черепаха, ежик. Помню как-то тупым скальпелем резал карпа – изучали строение карпа. От биологии не осталось почему-то ничего. Фиксирую факт, без всякого пижонства и выпендривания: общую биологию Мичурина-Лысенко абсолютно не мог понять (учили этому, о генетике понятия не имел – не откуда было). Как говорят, «в упор не понимал». Помню открытый урок, я отличник, к доске: «Метод ментора». Рассказал, насколько запомнил из учебника – ничего не понимаю, и глаза, естественно, не горят. С трудом «4».

Вот вспоминал других учителей – каждый по-своему и профессионально предметно, и профессионально по методике преподавания – несомненно личность. Даже Тулома, в своем роде. О Руине Лазаревне помню только одно – изумительный, добрейший человек, говорила с нами и на уроках, и вне уроков обо всем на свете, но без всякого панибратства, не изображала любящую мамочку, без сюсюканья

[1] Фамилия – Ёркина (*С. И. Ворошилин*).

и облизывания. Тогда почему в числе её учеников (я знаю только «ближайшие окрестности»): д. б. н., проф. Дольник (орнитолог, ЗИН), д. б. н., проф. Глотов (генетик, СПбГУ), к. б. н., доц. Ворошилин (психиатр, Свердловский мед. институт), д. б. н. Хохуткин (зоолог, ИЭРиЖ), Алик Позолотин без степеней (только вследствие его характерологических особенностей), но он же биолог по духу, исследователь. По-че-му? Было, значит, в Руине Лазаревне, что-то особенное. Я не верю, что такой набор учеников – случайность. Я послал ей оттиски своих первых работ по анеуплоидии. Говорили, что это доставило ей большую радость. Недавно Игорь Хохуткин (я на его докторской оппонировал) сказал, что видели Руину Лазаревну – милая, сухонькая, маленькая, живая старушка.

17.01–20.01.1994